

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В ПРОЕКЦИИ НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЪЕКТЫ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Самарин А.В.

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Старооскольский филиал), Старый Оскол, Россия, (309512, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18), e-mail: admin@sof.bsu.edu.ru

В своей статье автор ставит перед собой цель исследовать некоторые аспекты взаимоотношения слова и концепта в текстах и в языке с позиций критерия смысловой образности на материале лексических групп «животные», «птицы», «насекомые» в английском и русском языках. На основе анализа словарных дефиниций и фрагментов текстов с наименованиями животных, птиц и насекомых в исследуемых языках автор отмечает, что с расширением сферы сочетаемости метафоры, от конкретного объекта до категории, происходит дальнейшее снижение количества переносимых признаков. Анализируя метафорические образы животных, птиц, насекомых на свойства человека и объекты переноса неживой природы в русском и английском языках, автор выявляет узуальные метафоры из словарных дефиниций и окказиональные из текстов. В результате происходит выявление национальной специфики рассмотренных концептов в концептосферах русской и английской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, метафора, образ, критерий смысловой образности.

METAPHORICAL TRANSFER IMAGES PROJECTED FOR ANIMAL RIGHTS AND INANIMATE NATURE IN RUSSIAN AND ENGLISH

Samarin A.

Place of work in italics, FGAOU VPO "Belgorod State University, National Research" (Stary Branch) Old Oskol, Russia, (309 512, Old Oskol, m-n sunny, 18), e-mail: admin@sof.bsu.edu.ru

In the article the author sets himself investigating of some aspects of relations of word and concept in texts and in language as an object, from the position of criterion of semantic figurativeness on the material of lexical groups "animals", "birds", "insects" in English and Russian languages. The author notices that on the basis of the analysis of dictionary definitions and fragments of texts with names of animals, birds and insects in the analyzed languages, with metaphoric expansion of sphere of the compatibility from a concrete object to a category there is a further decrease of quantity of transferable signs. Analyzing metaphorical carryings of images of animals, birds, insects on human properties and objects of the lifeless nature in Russian and English languages, the author reveals usual metaphors from dictionary definitions and occasional ones in texts. As a result, national specificity of analyzed concepts in conceptspheres of Russian and English linguo-cultures has been revealed.

Keywords: concept, metaphor, image, criterion of semantic figurativeness.

Метафорический перенос, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой сложную мыслительную операцию, состоящую в том, чтобы абстрагировать какой-либо признак от одного предмета и увидеть его в другом [11, p. 394]. Таким образом, метафора представляет собой троп, т.е. оборот речи или слово, употребляемое в переносном, иносказательном смысле на базе аналогии, сходства или сравнения с денотатом, наименование которого лежит в основе такого переноса.

Чем более многопризнаковым, информативно-богатым и нерасчлененным является образ, стоящий за словом, тем легче это слово метафоризируется. Среди слов, входящих в

изучаемые ЛСГ, это прежде всего имена прототипических животных и другие слова, тяготеющие к ядру ЛСГ. Образность таких слов велика.

По данным англоязычных словарей [9; 10; 12; 14], метафорический перенос с наименований различных животных в английском языке был сопоставлен с аналогичными метафорами, которые получили закрепление в русском языке (здесь метафоры выверялись по толковым словарям русского языка [1; 2; 4; 5], произведениям художественной литературы и фольклора). Достаточно часто выделяются следующие метафорические семемы:

- другой предмет по сходству формы. Например:

«бабочка» как вид галстука с концами, напоминающими крылья бабочки; «паук» как особый вид рыболовной снасти с системой разветвленных крючков, подобных ножкам паука;

«spider (паук)»: a cast-iron frying pan with legs or feet for cooking on a hearth (литая железная сковорода на ножках для приготовления пищи в очаге) [9];

«mouse (мышь)» – a hand-held device for controlling a computer (часть компьютерного обеспечения) [10];

- другой предмет по сходству размера. Например:

«мушка» – маленькая искусственная родинка (деталь дамского макияжа) [1];

«bug (жучок, клоп)» – an electronic device, usually a small oval microphone, that is used for listening to or recording private conversations (электронное устройство, обычно маленький овальный микрофон, используемый для прослушивания и записи частных разговоров) [12].

Подобные метафоры достаточно часто употребляются носителями русского и английского языков, в текстах они не требуют «расшифровки», однако без контекста понимание метафоры не всегда возможно:

«...Вскоре Никодимов вернулся переодетый. Теперь на нем вместо голубой пижамы был двубортный, строгого покроя костюм, но тоже с синей искрой. На ногах – старинные «скороходы» на толстой каучуковой подошве. Белая рубашка. *Бабочка*» [3, с. 26].

Или еще один пример:

«...On July 16, 1973, Alexander Porter Butterfield told the committee, on nationwide television, that Nixon had ordered *a bug* – system installed in the White House to automatically record all conversations» [13, p. 28] – «16 июля 1973 года Александр П. Баттерфилд, выступая перед комитетом по национальному телевидению, сказал, что Никсон приказал установить в Белом доме систему *жучков* для автоматической записи всех разговоров».

Именно из контекста явствует, что речь идет о *бабочке* как предмете мужской одежды и о *жучке* как об электронном устройстве, а не о насекомых. Но пикторальные признаки насекомого переносятся на объект метафоры, позволяя создать в сознании человека четкий образ. Метафора ассоциирует две различные категории объектов – живой и неживой природы.

Далее исследуем проекции зоонимов на человека. Метафоризм как способ переноса характеристик с одного объекта на другой древен, как и само человеческое сознание. На заре своего существования человек испытывал на себе влияние сил природы, объяснения которым он не способен был дать. По-своему сопротивляясь этим силам, первобытный человек (в равной мере – туземец) апеллировал к заклинаниям, магии, ритуалам. Специалист в области исследования магии и религии Дж. Фрэзер в качестве одного из видов магии называет гомеотический или имитативный ее тип – колдовские приемы, основанные на законе подобия. Охотники и воины с берегов Оранжевой реки, например, носили на себе в качестве талисмана шкуру хорька, потому что этот очень живучий зверек должен был сделать их такими же жизнестойкими; воины тех же племен носили в своих волосах шерсть бурого быка, а на накидке – кожу лягушки, ибо верили, что обладатели этих амулетов приобретут бодрость быка и проворность скользкой лягушки, которых невозможно поймать, подчинить и т.п. Древний воин украшал голову шерстью крысы и полагал, что копье неприятеля оставит его неуязвимым, так как ему обеспечена быстрота реакции, свойственная этому животному [6, с. 37].

Этнографические зарисовки свидетельствуют о том, что еще в давние времена человек умел из совокупности поведенческих характеристик того или иного животного выбрать наиболее важную для своих практических целей; в его сознании конструировался образ, соответствующий его представлению об этом животном, который физически переносился на него самого с уверенностью, что теперь и он сам обладает идентичными свойствами и качествами. Современное общество отошло от древних религий, миф исчез, но исчез не бесследно, оставив языку образность и метафорику.

Когда говорят «Собакевич был настоящий медведь», то имя «медведь», сохраняя отнесенность к классу медведей, характеризует индивида, входящего в другой естественный род. Сходство Собакевича с медведем охватывает не только комплекс пикторальных признаков (косолапость, коричневый цвет сюртука по аналогии с коричневой шерстью зверя), но и некоторые поведенческие особенности (обособленный образ жизни, сила, крепость). Создается образ человека за счет частичного переноса на него образа медведя. Значение метафоры формируется только теми признаками названного животного, которые совместимы с субъектом метафоры. Остальные

признаки, невзирая на их существенность, устраняются. Метафора не заменяет один образ на другой, а лишь дополняет признаки определяемого. Именно это составляет наиболее существенный признак метафоры.

Если метафора расширяет сферу своей сочетаемости от конкретного объекта до категории, то происходит дальнейшее снижение количества переносимых признаков. Ряд метафор через систему ассоциаций связаны у носителей данных языков с представлением о конкретном животном в проекции на человека. Интересно, что, помимо реально существующих характеристик (*мышь – трусливая; бык – сильный; цыпленок – хилый*), животным, наименование которых становится метафорой, некоторые характеристики предписываются необоснованно (*бабочка – легкомысленная; ворон – приносит несчастье; змея – мудрая*). Однако образ этих животных ассоциируется с отмеченными качествами.

Помимо признанных, закрепленных в словарях и широко употребляемых метафор, в текстах нередко встречаются индивидуально-авторские метафоры. Рассмотрим любопытный пример, почерпнутый нами из рассказа В.И. Даля «Денщик»:

«...Говорят, что в каждом человеке есть сходство с тем или иным животным – по наружности, по приемам, собственно по лицу или даже по свойствам и качествам... Если бы у меня многотрудное умение или искусство не отставало от вольного в разгуле и дешевого воображения, то я бы, кажется, нарисовал бы денщика Якова Торцеголового в виде небывалого, невиданного чудовища, составленного из пяти животных: одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишком разнообразны. Верблюд, сутулый, неповоротливый, молчаливый – и притом безответный работник до последнего издыхания; волк, с неуклюжею, но иногда смешною хитростью и жадностью своей, дерзкий и неутомимый во время голода; пес, ползчивый, верный, который лает на все, что только увидит вне своей конуры; хомяк, домовитый хозяин, с запасными сумками за скулами, который полагает, по-видимому, будто весь мир создан для того только, чтобы было откуда таскать запас и припас в свою норку, и, наконец, бобр-строитель, который на все мастер, все умеет сделать, что нужно в доме, и хоть из грязи, да слепит хатку и живет по-своему хорошо» [8, с. 263].

Приведенный пример показывает набор как общественно признанных, так и индивидуально-творческих метафор самого автора: «бобр-строитель» – это не коллективный троп, поскольку в сознании носителей русского языка отсутствует коллективный, стереотипный образ этого животного – проведенные нами исследования показывают, что слово «бобр» находится на периферии ЛСГ; «хомяк» в нашем сознании, скорее, толстый человек, чем «домовитый хозяин».

Особого внимания заслуживает тот случай, когда бывшая метафора полностью и окончательно утрачивает свою первоначальную связь с денотатом и преобразуется в термин. Подобные термины встречаются как в русском, так и в английском языках. Например:

«*crocodile* (крокодил)» (длинная шеренга людей, идущих, взявшись за руки) [4];

«*bull* (бык)» (цель мишени на доске при игре в дартс) [14];

«*бык*» – промежуточная опора моста или гидротехнического сооружения [5];

«*мушка*» – небольшой выступ на передней части ствола стрелкового оружия, служащий для прицеливания [2].

Лексемы *elephant* (слон), *donkey* (осел) одинаково широко употребимы в обоих сравниваемых языках. Однако на «семантической карте» русского языка остаются «пустыми» смысловые ячейки от английского *elephant* – член республиканской партии США, *donkey* – член демократической партии. Перевод подобных слов с одного языка на другой возможен лишь с помощью описательных выражений.

Рассмотренные нами метафоры определяют представления о конкретном объекте или частной категории объектов и по когнитивной функции относятся к второстепенным (побочным), в отличие от базисных (ключевых), которые определяют способ мышления о мире или его фундаментальной части.

В заключение следует отметить, что метафора является исключительно точным выражением мысли. Эта точность и «живучесть» метафоры обусловлены образным компонентом плана ее содержания, национально-культурная специфика которого не вызывает сомнения. Необходимо также подчеркнуть, что именно «в метафорах наиболее выражает себя дух народа, они вернее всего передают разницу в мышлении и чувствовании рас и племен», – писал Ф. де Соссюр [7, с. 76], так как различны не только языковые картины мира, но и образы, стоящие за словами, обозначающими одну и ту же реалию, в разных языках нередко различны.

Список литературы

1. Академический словарь русского языка (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1957–1961.
2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – 5-е изд., стереотип. – М., 1998.
3. Лукьяненко С. Фальшивые зеркала. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 412 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – М., 1992.

5. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. – М., 1948–1965. (Большой академический словарь).
6. Смирнова Н. По материкам и странам. – М. : Прогресс, 1989. – 327 с.
7. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М. : Наука, 1977. – 423 с.
8. Степанов Ю.С. В мире семиотики. – М. : Наука, 1983. – 352 с.
9. Collins Cobuild English Language Dictionary. – Birmingham, 1993.
10. Harrap's Easy Language Dictionary. – London, 1985.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: L., 1980. – 420 p.
12. Macmillan English Dictionary. – London, 2001.
13. National History. – March, 2000.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 1992.

Рецензенты

Савинков С.В., д.филол.н., профессор кафедры журналистики Старооскольского филиала Воронежского государственного университета, г. Старый Оскол.

Прохорова О.Н., д.филол.н., профессор кафедры английского языка НИУ «БелГУ», г. Белгород,